

РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ

М.Л. Майофис

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Москва)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу взаимодействия между российской ориенталистикой и этнографией в конце XVIII — первой половине XIX века. Оспаривая мнение Э. Саида о том, что «классический» ориентализм направлен на установление различий, а не тождеств, автор обращается к индоевропейской теории, противоречащей этому тезису и показывает, что российская этнография целенаправленно апроприировала аппарат европейских ориенталистских исследований. При этом ориенталистика легитимизировалась именно как источниковая и инструментальная база для изучения национального прошлого.*

Ключевые слова: *империя, этнография, ориентализм, внутренняя колонизация, история русской культуры, история России.*

Каждая колониальная ситуация порождает свою систему ориентального «знания». <...> Но и ориентализмы могут быть разными. <...> Ориентальное «знание» вырабатывается ad hoc в каждой новой колониальной ситуации.

Александр Эткинд¹

...Российское востоковедение не всегда было лишь угодливым слугой государства, между ними существовали тесные взаимоотношения и взаимовлияние. <...>

География России, ее отношения с Западом и сложный характер взаимоотношений России и Востока породили гораздо более фрагментированный ориентализм.

Д. Схиммельпенник ван дер Ойе²

¹Эткинд 2002: 268.

²Схиммельпенник 2002: 260, 262.

Индоевропейская теория и Россия

В своих работах о внутренней колонизации России Александр Эткин уподобил знание о крестьянском населении, произведенное российскими этнографами и писателями, ориенталистскому знанию-власти, как его понимал Саид — с оговоркой, что в концепции Саида нет места представлению о стране, в которой колонизаторы и колонизированные говорят на одном языке, но являются по отношению друг к другу экзотическими группами [Эткин 2001]³. Сходство между западноевропейским ориентализмом и российским опытом внутренней колонизации, согласно Эткину, имеет конвергентный характер — например, «...разный характер колонизации породил [в XIX веке в России и Британии] сходные типы [путевых] non-fiction» [Эткин 2003]. В этой статье я надеюсь показать, что это сходство имело не только конвергентный, но и генетический характер.

Необходимо, конечно, учитывать и то, что русская этнография в 1830-1850-е годы развивалась при организационной поддержке Министерства внутренних дел, вследствие чего этнографы участвовали в процессе внутренней колонизации как администраторы [Etkind 2007b]. Однако не менее важно и то, что российская этнография первоначально развивалась под прямым влиянием западноевропейской ориенталистики — и на протяжении нескольких десятилетий неявно использовала теоретический аппарат, выработанный на материале исследований «Востока» в XVIII — начале XIX века. Это влияние привело к далеко идущим последствиям — как научным, так и политическим.

Уже немало написано о генезисе той интеллектуальной традиции, которая дала в начале 1830-х годов теорию «народности» [Koyné 1929; Шпет 1989; Зорин 1996; Зорин 2001; Шевченко 1997 и мн. др.]⁴, — хотя, кажется, нигде еще подробно не рассматривалась связь ее с российской ориенталистикой. Между тем они находились в очень тесных и сложных отношениях друг с другом. И у той, и у другой был несомненный общий источник: философия истории Гердера и его концепция генезиса восточных и европейских культур⁵. Однако при том, что сочинения Гердера читали в разных странах Европы, такая сложная «связка» между ориенталистской философией Гердера и официальными концепциями нации сформировалась, по-видимому, только в России. Безусловно, не случайно создатель теории официальной народности Уваров начинал свой путь на научном и государственном поприще трактатом «Проект Азиатской академии» [Ouvargoff 1810].

С самого начала XIX века российская ориенталистика находилась под сильным влиянием индоевропейской теории, созданной Уильямом Джонсом⁶. Интересно, что для Эдварда Саида в его рассуждениях о роли ориентализма в европейской культуре XVIII — начала XIX века эта теория, ее главные пропагандисты и их работы явно составляли камень преткновения: он говорит о них или очень оценочно, или предельно расплывчато. Так, об основоположнике этой теории, английском востоковеде и юристе Уильяме Джонсе, Саид отзывается скептически, если не пренебрежительно — только потому, что, по его мнению, тот высту-

³Критические замечания по поводу теории Саида см.: Etkind 2007a.

⁴Алексей Миллер справедливо указывает, что, введя в обращение понятие «народности», имперские администраторы «надеялись редактировать содержание понятия [нации], маргинализировать его революционный потенциал» [Миллер 2010: 60].

⁵См. об этом: Данилевский 1980; Gérard 1963; Goebel 1995; Germana 2007; Marchand 2009.

⁶Под индоевропейской теорией я понимаю выдвинутую на рубеже XVIII-XIX веков гипотезу о существовании индоевропейской языковой семьи и индоевропейского праязыка, общности происхождения мифологии, обрядов, религиозных практик народов, составляющих эту языковую семью, и сформировавшиеся на основе этой гипотезы направления научных исследований. В англоязычной традиции приняты термины «Indo-European hypothesis», «Indo-European theory», «Indo-European studies», хотя чаще всего эти термины используются применительно к лингвистике, а не к фольклористике, мифологии или этнографии. Однако первые изложения этой теории опираются не только на лингвистический, но и на этнографический и мифологический материал.

пил классификатором и систематизатором⁷. «...Если Анкетиль распахнул перед нами широкие перспективы, то Джонс их захлопнул, систематизируя, сопоставляя, все сводя в единую плоскость», — и далее: «...собирал, классифицировал, приручал Восток, тем самым превратив его в отрасль европейского знания» [Саид 2008]. Давая подобные оценки, Саид как будто намеренно забывает о том, что Джонс как раз был склонен говорить о своеобразии каждой из азиатских культур, и посвящал им отдельные подробные выступления, которые превращались позже в объемные статьи⁸.

Критики концепции Саида неоднократно указывали на односторонность аргументации британского историка. Интерпретируя западноевропейские исследования и художественные произведения о «Востоке», Саид, по их мнению, недооценивал эмансипационный и антирасистский потенциал этих сочинений, но стремился только к тому, чтобы показать их связь с колониальной практикой европейских держав [См., например: Proudman 2005; Varisco 2008]. В целом, вероятно, многие интеллектуальные продукты исследования «Востока», которые обсуждает Саид, имели исторически двусмысленный характер: они *одновременно* были направлены на европоцентристское истолкование жизни, языка и мифологии колониальных народов и на демонстрацию их культур как равноправных с европейскими и, следовательно, требующих не только изучения, но и уважения и политического признания.

Индоевропеисты с самого начала стремились искать сходства и общие основания восточных и западных культур. Так, например, вся деятельность Джонса была направлена на то, чтобы уничтожить европейские представления об Индии как о «дикой», «нецивилизованной» стране и — в рамках собственной концепции изначального родства народов и их последующего рассеяния — включить ее в европейский и — шире — общемировой контекст. Согласно Джонсу, индийцы, как и европейские народы, принадлежали к потомкам Яфета: так, через апелляцию к средневековой европейской традиции «библиизирующей этнографии», они сразу получали собственное место во всемирной истории. Индоевропейская теория весьма далека от приписываемых Саидом ориентализму «ограниченности», проистекающей из «безразличия, эссенциализации, отрицания гуманной сути другой культуры, народа или географического региона» [Саид 2006: 170]. Напротив, уже в самых первых текстах, постулировавших начала этой теории, говорилось о необходимости рассматривать Восток поверх тех границ, которыми очерчивала его современная цивилизация, о том, что разные народы Востока и Запада — ветви единого дерева. Впрочем, более точной в данном случае окажется метафора плодов, которые произросли из семян, распыленных некогда одним и тем же растением. «В незапамятные времена индусы находились в родстве с древними персами, эфиопами и египтянами, финикийцами, греками и тосканцами, скифами, или готами, и кельтами, с китайцами, японцами и перуанцами. Поскольку же у нас нет никаких оснований считать, что они были колонией какого-либо из этих народов, или сами были кем-то из них, можно справедливо заключить, что все они происходят из какой-то общей страны, знакомство с которой и станет темой моих последующих выступлений», — сообщал Джонс в своей первой речи в собрании Азиатского общества в Калькутте [Jones 1824: 5].

Конечно, в определенной степени Саид прав: эта перспектива все равно была, по сути, европеистской и включала Восток в европейскую систему знания. Но именно она сделала возможными все последующие (включая и саидовский) ревизионистские «повороты», так как позволяла в полную силу говорить о самоценности, самостоятельности и богатстве каждой из восточных культур.

В индоевропейской теории был и еще один важный аспект. Она изначально предполагала кооперацию ученых-ориенталистов из разных стран, поскольку подразумевалось, что они преследуют одну и ту же цель — на разных культурных и географических участках ис-

⁷О натяжках, допущенных Саидом при интерпретации Джонса, писал Даниэл Вариско: Varisco 2008: 128, 130, 204, 362, 363 и др.

⁸О Джонсе см.: Cannon 1964; Mukherjee 1968; Cannon, Brine 1995 и мн. др.

кать следы общего происхождения народов Запада и Востока. Бенгальское азиатское общество в Калькутте, основанное Джонсом в 1784 году, должно было, по его замыслу, стать главным посредником между Европой и Индией и поведать просвещенной Европе о богатстве индийского культурного наследия.

Исследуя историю ранней рецепции индоевропейской теории в России, очень важно проследить, усваивалась ли там идея общего происхождения народов или иные аспекты индоевропейской теории, и был ли услышан призыв Джонса к плодотворному сотрудничеству ученых разных стран. В попытке ответить на эти вопросы я остановлюсь на нескольких эпизодах обращения к индоевропейской теории в России 1790-1840-х годов.

Матвей Гутри

Один из самых ранних примеров проникновения индоевропейской теории на территорию Российской империи связан с именем находившегося на русской службе британского медика Матвея Гутри (Mathiew Guthrie)⁹. Он сам и его этнографический трактат известны историкам фольклористики и немного — историкам англо-русских культурных связей. Гутри родился в Эдинбурге в 1743 году, поступил на русскую службу во время первой русско-турецкой войны 1769-1774 годов, с 1778 года был главным врачом Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса и одновременно лечил весь иностранный дипломатический корпус в Петербурге [Parnohl 1969]. Первая его опубликованная в России в 1784 году работа называлась «Об антисептической природе жителей России» (на английском языке — «On the antiseptic Regimen of the Natives of Russia» — она была опубликована в «Philosophical Transactions» Лондонского королевского общества) и призвана была опровергнуть представление о негигиеничном быте русского простонародья и его склонности к тяжелым болезням. Гутри писал:

...житель деревни пышет здоровьем, достойным удивления внимательного наблюдателя, осведомленного о пагубных последствиях спертого воздуха в домах, чрезмерном холоде, который охватывает тело, стоит выйти на улицу, и о не менее печальном факте отсутствия долгой и свирепой зимой каких-либо свежих овощей¹⁰.

Функция Гутри во «внешней» российской пропаганде явно мыслилась его высочайшими петербургскими покровителями как прямое оппонирование мнениям и оценкам аббата Шаппа д'Отроша, автора вышедшего в 1768 году «Путешествия в Сибирь» — на эту книгу, как известно, Екатерина II ответила в 1770 году опубликованным по-французски в Амстердаме трактатом «Антидот». Энтони Кросс замечает, что представление о России, формировавшееся в английском журнале «The Bee» благодаря статьям Гутри, было открыто полемично по отношению к повествованию Шаппа д'Отроша [Cross 1969].

В 1795 году Гутри опубликовал в Петербурге по-французски трактат «Dissertation sur les antiquités de Russie», который в напечатанном полувеком позже русском переводе будет носить название «О древностях русских»¹¹. Трактат был посвящен российской императрице. Он состоит из пяти частей, которые последовательно рассказывают о музыкальных инструментах, песнях, обрядах, празднествах и играх и быте русских крестьян. В рукописном отделе Британской библиотеки хранится полный текст книги Гутри, который примерно в три раза превышает по объему опубликованный французский вариант. Эта книга имеет латинский за-

⁹Дабы сохранить единообразие, я пользуюсь здесь установившейся в отечественной литературе, начиная с первых годов XIX века, традицией транслитерации имени британского медика и этнографа, хотя эта традиция и противоречит английскому произношению этой фамилии.

¹⁰Цитируется по французскому изданию, вышедшему в Петербурге: Guthrie 1784: 14. Перевод мой. — М.М.

¹¹Маяк 1844. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, трактат Гутри цитируется по этому русскому переводу.

головок «Noctes Rossicae»; Гутри поясняет, что «дал этим заметкам, посвященным простым жителям русских деревень, название „Noctes Rossicae“ просто потому, что мы писали их в продолжение длинных ночей в России, подобно тому как Авл Геллий назвал свои записки „Noctes Atticae“ потому, что написал их в продолжение сравнительно коротких афинских ночей»¹².

В этой рукописной книге не пять, а десять глав: кроме уже перечисленных там есть главы о хоровах, о национальном гостеприимстве, о древних жителях России — славянах и о племени «русь», давшем название всему народу и стране, о варяжских правителях России и о правлении Ярослава Мудрого, знаменовавшего собой, по мнению Гутри, «золотой век» русской культуры и науки. Из дат, рассыпанных по рукописи книги и библиографических ссылок, следует, что Гутри дописывал и переделывал эту работу вплоть до своей кончины в 1807 году. Оглавление заканчивается авторским комментарием, который свидетельствует о том, что и эта рукопись — еще не законченная книга: «Not finished when I fell ill»¹³.

Уже в предисловии Гутри объявляет себя идейным и методологическим последователем Уильяма Джонса:

Чем более изучаю разные предметы, которыми пребывание мое в России дало мне возможность заниматься в часы досуга, тем более убеждаюсь я в истине сказанного ученым моим одноземцем кавалером Вильямом Джонсом, президентом Бенгальского Азиатского общества, что все народы европейские ведут свое начало с востока. Сей великий судья Бенгальский, столь знаменитый своими познаниями восточных письмен, еще до его поездки в Индию, недавно нашел в Зенде Персидском и в Санскрите Индийском два самые древнейшие языка в мире, которые он приписывает древнему народу, жившему в Империи Иранской или Персидской гораздо прежде Ассириян — первого народа, какой только знают в Истории, и что Индусы или индийцы, египтяне, китайцы, которых давно уже признавали древнейшими народами, суть только расселения сего первого народа иранского... [Маяк 1844: Т. 13: 63-64].

Таким образом, Гутри декларативно попытался вписать русскую историю и этнографию в джонсовскую концепцию всемирной истории:

Открытие общего начала всех европейских народов подало мне смелость приписать общее и одинаковое начало русским и грекам, между которыми нашел я множество сходств в народном быте и разных предметах, мною исследованных. При этой гипотезе любопытное явление, составляющее предмет сих разысканий, гораздо легче разъясняется, нежели при той, что русские получили от греков свое баснословие и прочая; потому что кавалер Джонс нашел всех древних богов и самые основные басни греков в книгах сохранных браминами, писанных на санскритском языке, по крайней мере за тысячу лет прежде основания греческих обществ [Там же: 64-65].

Гутри идет еще дальше и устанавливает сходство не только между русскими и греческими песнями и обрядами, но между песнями и обрядами русских и друидов: «...обряды, русские или друидские — все были в Греции» [Маяк 1844: Т. 15: 58].

При этом Гутри прекрасно сознает культурный и социальный разрыв между низшими и высшими сословиями в России и настаивает не только на том, что для изучения «русских древностей» нужно обращаться к культуре первых, но и на том, что даже низшие сословия лучше рассматривать в самой «глубине» империи — там обряды, обычаи, материальная среда испытали минимум внешних влияний:

¹²British Library. Manuscript department. Add. Mss. 14.390. P. 3. Перевод мой — М.М.

¹³Ibid. P. 10.

Изыскатель древностей должен изучать нравы и обычаи народа между селянами, особливо когда они были подвержены долгому подданству, следственно привязаны к одному месту на многие веки, а не между знатью или жителями больших городов, в которых нравы и обычаи переменяются, больше или меньше, по мере большего или меньшего сообщения с иностранцами [Маяк 1844: Т. 13: 63].

Уже первые рецензенты стали изображать Джонса и Гутри как коллег и единомышленников — при том, что Джонс умер за год до первой публикации книги Гутри, в 1794 году. Вот фрагмент из рецензии одного из иностранных журналов, который Гутри приводит в предисловии к полному, рукописному варианту трактата, а его русский переводчик — в своем предисловии к подготовленному им русскому изданию: «Когда таким образом Англичанин за четыре тысячи миль от своего отечества открывал новое поприще любопытных добыч, другой англичанин в средоточии России разыскивал многочисленные соотношения быта, обрядов, привычек, предрассудков русских крестьян сравнительно с древними греческими. <...> Его главнейшие наблюдения сделаны им в самом средоточии империи; ибо там оные менее подвержены были изменениям, от чуждых веяний»¹⁴. Сам Гутри ссылается на работы известного российско-германского историка Августа Людвиг фон Шлёцера, который самостоятельно пришел к сходным выводам: «В сем розыскании подтверждается мнения Вильяма Джонса... Какое удивительное сходство во мнениях сих ученых, хотя оные сделаны в странах столь отдаленных!» [Там же: 65-66].

Таким образом, описание внутренних пространств империи осуществляет не русский, а иностранец, который квалифицирует себя в качестве ориенталиста. При этом он не делает никакого принципиального различия между собой (=иностранцем) и русскими этнографами и историками. Гутри изображает себя «застрельщиком» некоего широкого научного движения, в котором русские ученые должны преуспеть даже больше, чем иностранцы. В предисловии к полному, рукописному варианту книги он пишет:

...если русские эрудиты начнут исследовать свои деревни с той точки зрения, с которой это сделал я, они смогут найти еще много любопытных обычаев, которые совершенно естественным образом ускользнули от внимания иностранца. Нам просто посчастливилось натолкнуться на богатый рудник, которым до сих пор пренебрегали, но в конце концов им, а не автору этой книги предстоит исследовать этот рудник во всей его глубине¹⁵.

Таким образом, русские этнографы оказались сразу записанными в ряды последователей индоевропейской теории вообще и концепции Уильяма Джонса в частности.

Если верить Гутри, процесс научного освоения фольклора и быта русских крестьян начал на самом деле не он, а Екатерина II. Его предисловие к трактату завершается словами: «...Она Сама, в свободные часы, изучение древностей Русских поставляла в наиприятнейшее для себя занятие; и в одном случае удостоить изволила исправить мои розыскания собственноручными заметками, писанными внизу моей рукописи о климате России, которые напечатаны в *Philosophical Transactions* Эдинбургского королевского общества» [Маяк 1844: Т. 13: 69]. Последние части рукописной версии трактата содержат выполненный Гутри перевод на английский язык драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» — текст снабжен предисловием и примечаниями Гутри. Однако, как замечает Гутри, понять значение и содержание екатерининского опуса в России мало кто способен — не потому что российское дворянство представляет собой малопросвещенную аудиторию, но потому, «что большая часть аристократии и дворянства, воспитанные французскими учителями, знают намного меньше об истории своей страны, чем об истории Франции», и поэтому посвящать их в эти материи

¹⁴Цитируем этот фрагмент рецензии по предисловию русского переводчика трактата: Маяк 1844: Т. 13: 61-62.

¹⁵British Library. Manuscript Department. Add. Ms. 14.390. P. 5. Перевод мой — М.М.

нужно ровно так же, как иностранцев — будущих европейских читателей книги Гутри. В его переводе и с его примечаниями, полагает он, драма Екатерины станет гораздо понятнее ее соотечественникам¹⁶.

Пессимистический урок сравнительной этнографии Гутри состоял в том, что высказанные им идеи общего происхождения европейских и азиатских народов и сотрудничества этнографов, лингвистов и историков из разных стран в России не были «считаны». Тезис об «общем начале» сразу же стал переосмысляться как доказательство древности и превосходства русских по сравнению с другими народами. Уже русский переводчик сокращенного французского варианта сочинения Гутри (как следует из текста, его работа над переводом происходила в сотрудничестве с автором не позже 1806 года, когда Гутри умер) при каждом удобном случае пользовался возможностью продемонстрировать умение, ученость и добродетель русского народа: «...древние русские музыканты прибавили к сему оудию (лире. — *М.М.*) ручку, к чему их навела балалайка. Эта выдумка ничего не стоила для русских, знавших уже балалайку, но невозможна была для греков, не знавших, что сокращением струн можно изменять тоны. Оба народа, стремясь усовершенствовать одно и то же орудие, избрали различные пути; но русские избрали лучший и совершеннейший» [Маяк 1844: Т. 13: 79]; «У русских в древнем семике (семик, или русалии — старинный русский женский обрядовый праздник «проводов русалок», отмечался несколько раз в году, но самым известным был летний семик накануне дня Ивана Купала. — *М.М.*) не было таких мерзостей, от которых добродетельный Катон отворачивался в Риме¹⁷; но царствовало одно невинное чувство любви дружеской, почему и призывался Дид, а не Лель» [Маяк 1844: Т. 15: 52]¹⁸.

Гор Узли

Второй этап рецепции индоевропейской теории пришелся на недолгий период по окончании наполеоновских войн (1815-1816). Это были первые годы существования Священного Союза, который Александр Эткиндр характеризует как «институт пророческий и антиколониальный» [Эткиндр 2002: 276]. Однако, говоря об этом международном институте более подробно и дифференцированно, следует иметь в виду, что существовали две концепции Священного Союза, которые в первые годы после его возникновения находились в конкурентных отношениях. Условно можно назвать их «меттерниховской» и «каподистриевской», по именам наиболее последовательно их отстаивавших глав австрийского и российского министерств¹⁹. Если Меттерних ратовал за восстановление в Европе «старого порядка» и предотвращение революционной угрозы и настаивал на особой роли России, Австрии и Пруссии как арбитров этого процесса, то Каподистрия призывал к равноправному сотрудничеству всех европейских стран и заключению ими общего внешнеполитического соглашения, которое гарантировало бы посленаполеоновскую Европу не только от революционных потрясений, но от любого рода военных конфликтов. Подписанию этого документа должна была предшествовать масштабная политическая реформа в каждой из присоединившихся к этой системе стран: она предполагала принятие умеренной монархической конституции, наподо-

¹⁶British Library. Manuscript Department. Add. Ms. 14.390. P. 334. Перевод мой — *М.М.*

¹⁷Римский политик, владелец поместья и оратор Катон Старший, он же Катон Цензор (234 — ок. 148 до н.э.) обличал упадок нравов современного ему Рима по сравнению с временами ранней Республики.

¹⁸Дид и Лель — божества древнеславянского пантеона, «реконструированного» русскими мифологами конца XVIII века на основе предположения, что этот пантеон должен был быть точным аналогом древнегреческого. Предполагалось также, что припевы народных песен «Ой, дид-ладо» и «Ой, лель-люли» являются молениями к этим божествам (первыми подобный «метод реконструкции» дохристианских верований славян применили польские историки XVI века — М. Меховита, М. Кромер и М. Стрыйковский). Лель, как считали в России первой половиной XIX века, был древнеславянским божеством любви (и в этом качестве упоминается в «Русlane и Людмиле» Пушкина), Дид — брака.

¹⁹См. об этом, например: Шебунин 1925; Шебунин 133.

бие французской Хартии, и создание представительных органов управления. Каподистриевская концепция отводила особое место малым и «буферным» государствам, наподобие Греции, Швейцарии или Польши — они призваны были обеспечить баланс сил в новой сложной системе и примирение территориальных интересов больших государств, в том числе и на территории колоний.

Каподистриевская концепция потерпела крах после Аахенского конгресса 1818 года, когда союзные монархи так и не поставили на повестку дня вопрос о создании такой общеевропейской системы, а сама фигура Каподистрии стала постепенно отодвигаться в тень и в общеевропейской дипломатической игре, и в российской политической жизни. Однако, говоря о недолгом периоде развития и доминирования этой концепции, нельзя забывать о том, что она предполагала урегулирование противоречий и претензий на территориях колоний, в том числе и с помощью цивилизационных мер, которые могли быть привнесены «большими» европейскими государствами в их колониальные пространства.

Каподистриевская концепция Священного Союза дала в России несколько попыток насаждения ориентализма именно как дисциплины, развивающей идеи Уильяма Джонса.

Эпизод, который наиболее ярко иллюстрирует этот этап рецепции индоевропейской теории, уже был описан мною в книге, посвященной истории литературного общества «Арзамас» [Майофис 2008: 390-400], и поэтому я напомним о нем лишь вкратце.

В 1814-1815 году в Петербурге жил английский посол в Персии, а по совместительству — ориенталист и член основанного У. Джонсом Азиатского общества в Калькутте сэр Гор Узли (Gore Ouseley). Он тесно общался с тогдашним директором Императорской публичной библиотеки Алексеем Николаевичем Олениным и попечителем Санкт-Петербургского округа Сергеем Семеновичем Уваровым. Всех троих объединял интерес к ориенталистике и истории античной культуры, и эти темы, вероятно, неоднократно становились предметом их ученых бесед. Результатом этого общения стала вышедшая в Петербурге в мае 1815 года брошюра Оленина «Опыт о приделках к статуе Купидона, встегивающего тетиву на лук».

Оленин посвятил свой труд сэру Гору Узли. Главная идея книги Оленина состояла в том, что для правильного восстановления памятников античного искусства требуется тщательно изучить нравы и обычаи народов Азии, подвластных двум колониальным империям — Российской и Британской. И поскольку Азия — «колыбель рода человеческого» и в ней «до сих пор еще сохранились в первородной их простоте все привычки детства народов» [Оленин 1815], она и дает своим колонизаторам ключ к наследию античности.

Мысль о том, что в Азии сохранились многие древние обычаи и социальные практики, была позаимствована Олениным из трактата Уварова 1810 года «Проект Азиатской академии», и влияние Уварова на концепцию оленинской брошюры было, по-видимому, определяющим. Однако тираж этой книги был, как признавался Оленин позже, уничтожен — якобы в связи с тем, что приведенные в ней доказательства автор позднее счет несостоятельными. Скорее всего, истинной причиной уничтожения тиража стало обострение отношений России и Великобритании и нота, направленная российским министерством иностранных дел в Лондон, — о недопустимости вмешательства Великобритании и лично Гора Узли во взаимоотношения России и Персии [АКАК 1873]²⁰. Таким образом, эволюция внешнеполитической ситуации в 1815 году (задолго до решающего для Каподистрии Аахенского конгресса) сделала невозможным сотрудничество российских и британских ученых в освоении колониальных пространств.

²⁰О деятельности Гора Узли в Иране, равно как и о его научных интересах, подробно рассказано в статье о нем в электронной «Encyclopaedia Iranica», выходящей под эгидой Колумбийского Университета: Avery P. Ouseley, Sir Gore (2004) (<http://www.iranica.com/articles/ouseley-sir-gore> [18.08.2011]).

Григорий Спасский

Следующий эпизод, о котором пойдет речь, гораздо лучше знаком специалистам по истории русской журналистики и исследователям историографии Сибири первой четверти XIX века. Я имею в виду два журнала, последовательно издававшиеся в Петербурге Григорием Ивановичем Спасским. Спасский начинал свою карьеру как колониальный администратор — с 1802 по 1817 год он состоял на службе при разных сибирских губернаторах и в часы досуга изучал историю, геологию, археологию, этнографию, эпиграфику Сибири. По возвращении в Петербург в 1818 году он немедленно стал издавать журнал «Сибирский вестник», который был посвящен одновременно всем интересовавшим его дисциплинам. Журнал выходил в течение почти семи лет. Уже со второго тома Спасский расширил географический охват своего издания. В нем появился раздел «Собрание сведений о Сибири и странах, сопридельных оной»: там публиковались материалы о Монголии, Китае, Центральной Азии.

В 1825 году «Сибирский вестник» прекратился, и его сменил журнал с новым, более амбициозным названием — «Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения». Вероятно, это произошло не без влияния нового внешнеполитического контекста: незадолго до смерти Александр I начинал планировать войну с Турцией и готовился к новым территориальным приобретениям²¹. Журнал в новом его обличье (см. гораздо более широкий и по географическому, и по дисциплинарному охвату заголовков) позиционировался как полноправный участник общеевропейского ориенталистского движения.

Спасский мало успел поработать на новом поприще: Александр I умер в конце 1825 года, общественные настроения, связанные с ожиданием войны, пошли на спад, возможно, пресеклась и поддержка, которую оказывало Спасскому министерство иностранных дел. Журнал прекратился уже в первой половине 1827 года. Внешнеполитический контекст не позволял надеяться на то, что деятельность России на Востоке будет европейски интегрированной. Войны конца 1820-х с Турцией и Персией — это уже совсем не те войны, которые в 1824-1825 годах планировал Александр I. Но не менее важно и то, что Спасскому так и не удалось придумать общую «рамку», под которой можно было бы объединить российскую и европейскую колониальную проблематику: в журнале публиковалось множество описаний и исследований Китая, Персии, Индии, переведенных из знаменитых европейских ориенталистских журналов, прежде всего французских «Recherches Asiatiques» и «Journal Asiatique», а также русские тексты, посвященные Сибири. При этом если для решения первой задачи — описания западных колоний — Спасский мог использовать иностранные сочинения, для которых находил переводчиков из числа студентов школы иностранных языков при МИДе (хотя для полноценного рецензирования западных книг так никого и не нашел), то о российских колониях ему приходилось рассказывать самому — подходящих для выполнения этой задачи авторов в Петербурге он, по-видимому, найти так и не смог. «Азиатский вестник» стал как минимум третьим неудачным интеграционным ориенталистским проектом в истории российской науки.

²¹И.С. Достян пишет, что в августе 1825 года правительство Александра I окончательно решило действовать в отношении Турции единолично, и с осени в России велась активная подготовка к войне с Турцией: «Ожидалось, что она начнется весной следующего (1826 — М.М.) года. Такая война протекала бы в более благоприятной внешнеполитической обстановке, чем в 1821 г., когда Россия находилась в полной изоляции. Непредвиденные события — смерть Александра I и восстание декабристов — отодвинули войну с Турцией еще на два года» [Достян 1972: 237-238].

Франсуа Шармуа

Русская этнография и академическая история развивались параллельно и под сильнейшим влиянием ориенталистики — одной из самых модных в 1810-1830-е годы гуманитарных дисциплин. Их задачи (реконструкция древней истории, словесности, мифологии) и объекты описания часто сближались и даже совпадали. Следовательно, и вопрос об иерархии и взаимной легитимации этих дисциплин волновал и академических ученых, и академических администраторов.

Момент появления триады «православие-самодержавие-народность» стал явным рубежом в осмыслении колониальной проблематики и отношений ориенталистики и национальной историографии. Замечание А. Эткинды о том, что «народ приобретал свойства черной дыры, в которую проваливался дискурс и которой можно приписывать любые значения» [Эткинды 2002: 283], конечно, в первую очередь относится к периоду, последовавшему *после обнародования* уваровской триады (хотя отдельные прецеденты можно было наблюдать и ранее), и поэтому оно явным образом коррелирует с замечанием А. Зорина, который пишет о том, что два первых члена уваровской триады выступали в качестве своего рода атрибутов национального бытия и национальной истории и оказывались укоренены в третьем — «пресловутой народности» [Зорин 1996: 362].

В свете новой идеологической и, по-видимому, эпистемологической ситуации 1830-х интересны работы еще одного иностранца на русской службе — ориенталиста Франсуа Шармуа²². Этот француз, специалист по персидской литературе, был учеником Сильвестра де Саси и Оноре Франсуа Мари Лангле. Его вместе с другим французским ориенталистом, арабистом Жаном Франсуа Деманжем, выписал в Петербург в 1817 году Уваров для работы на кафедре восточных языков и словесности Главного Педагогического Института, а с 1819 года — Санкт-Петербургского университета²³. В разгар знаменитого «дела Санкт-Петербургского университета»²⁴, то есть при увольнении четырех лучших профессоров этого учебного заведения — А.И. Галича, К. И. Арсеньева, К.Ф. Германа и Э.Б. Раупаха — по инициативе и при непосредственном участии нового попечителя учебного округа Д.П. Рунича, Шармуа и Деманж в знак протеста ушли в отставку²⁵. Но из России они не уехали, а перешли на работу в школу иностранных языков при министерстве иностранных дел, созданную также при инициативе Уварова и при поддержке Каподистрии. По мнению В.В. Бартольда,

...новая школа, основанная по мысли тайного советника А. Фонтонна, должна была готовить для министерства будущих деятелей на Ближнем Востоке; предполагалось дать будущим дипломатам возможность дополнить полученное ими в университете теоретическое образование сведениями, необходимыми для их будущей практической деятельности, под руководством лиц, приобретших эти сведения путем долговременного опыта [Бартольд 1977: 57].

²²О Шармуа см., например: Савельев 1845; Шармуа 1976: 45-48.

²³См. об этом: Петров 2002: 436, 750 (на последней — цитаты из писем Сильвестра де Саси к Уварову с рекомендациями Шармуа и Деманжа).

²⁴О «деле Санкт-Петербургского университета» см.: Плисов 1862; Сухомлинов 1889; Рождественский 1919: XXXVII-XVI; Очерки ЛГУ 1969; Петров 2002: 506-536.

²⁵После разбирательств по делу Раупаха, Германа, Галича и Арсеньева Шармуа подал Александру I записку, в которой жаловался на нарушение Руничем многих процессуальных и этических норм на заседании Конференции 3 ноября 1821 года, на котором и решилась судьба этих преподавателей. В ответ на свои возражения Шармуа был на том же заседании назван Руничем «чадом революции, выходцем из Отечества Маратов и Робеспьеров, бунтовщиком, государственным изменником... мошенником, которого бы следовало сослать в Сибирь» [см.: Плисов 1862: 192-193; Петров 2002: 790]. Интересно, что после совершившихся последовательно отставок Уварова, Шармуа и Деманжа Сильвестр де Саси просил бывшего попечителя учебного округа, Уварова, заступиться за своих протеже (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 253-254, цит. в кн.: Петров 2002: 794).

В 1831 году Шармуа вернулся к преподаванию в Санкт-Петербургском университете. В августе 1833 года, уже после того, как его патрон Уваров стал министром народного просвещения и подробно разработал и изложил императору доктрину «православия-самодержавия-народности» (но еще до публикации соответствующих текстов в новообразованном Журнале министерства народного просвещения!²⁶), Шармуа выступил на торжественном собрании Санкт-Петербургского университета с речью «О пользе восточных языков для изучения истории России»²⁷. Ее главная идея была высказана в самых первых абзацах:

Единственная цель, которую я ставлю себе в этом трактате, — доказать, что восточные языки столь же важны для России в историческом отношении [как в литературном и дипломатическом] и что они могут помочь не только отчасти рассеять мрак, которым скрыта колыбель русской нации, но также и прояснить некоторые темные эпизоды из ее истории²⁸.

Мысль Шармуа очень сходна с той, что высказывал тридцатью годами ранее Гутри: без аппарата ориенталистики невозможно исследовать древнюю русскую историю (Гутри говорил об этнографии, которая помогает восстанавливать историю при отсутствии письменных памятников). Более того, ученые ориенталисты должны расширить сферу своей компетенции и стать и русистами, потому что без их помощи изучение русской истории будет заведомо неполным.

Русский автор, одушевленный желанием очертить факты, которые составляют историю его отечества с беспристрастием и критическим духом, необходимым любому писателю, который посвящает свое перо предмету равно привлекательному и важному, должен, если он хочет добраться до истины, изучить всех авторов, которые писали о тех же предметах, как бы далека ни была нация, к которой они принадлежали. А, следовательно, нельзя считать недостойными его внимания хроники Оттоманской и Персидской империй, когда речь идет о войнах, союзах и трактатах, заключенных Россией с одной или другой из этих могущественных держав. Но исполнить этот мудрый план будет значительно сложнее, если не прибавить к своим познаниям знания соответствующих языков. Остается только пожелать, чтобы ориенталист, обратившийся к истории Российской империи, позаботился бы о заимствовании в хрониках мусульманских писателей всех тех документов, которые для этого необходимы...²⁹

Речь Шармуа не была лишь декларацией о намерениях: и до, и после 1833 года он вместе со своими учениками (в школе восточных языков при Министерстве иностранных дел и в Санкт-Петербургском университете) занимался исследованием, публикацией и комментированием турецких, персидских, арабских источников, так или иначе, по его мнению, связанных с ранней историей России³⁰.

²⁶Первое из известных нам уваровских изложений доктрины «православия-самодержавия-народности» относится к марту 1832 года [см.: Зорин 1996: 343], официальное ее обнародование последовало только в начале 1834 года, в предисловии к новообразованному «Журналу министерства народного просвещения».

²⁷«Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. Dissertation lue, le 31 Aout 1833, à la séance solennelle de l'Université Impériale de St. Petersburg, par le Conseiller d'état F.B. Charmoy, professeur ordinaire de littérature persane à la dite université, occupant la chaire de persane et de turk à la Section d'enseignement du Ministère des affaires étrangères, Adjoint à l'Académie Impériale des Sciences et Bibliothécaire honoraire à la Bibliothèque Impériale publique, membre des Sociétés asiatiques de Paris et de Londres, Chevalier de l'ordre de St Vladimir de la 3me classe et de celui de Ste Anne de la 2e avec les insignes en diamants etc.» (О пользе Восточных языков для изучения Российской истории. Соч. Ф.Б. Шармуа, профессора персидской литературы в Императорском С.П.бургском Университете, и Персидского и Турецкого языков в Учебном Отделении Министерства Иностранных Дел, и пр. и пр.). St. Peterbourg: Imprimerie de Charles Kray, 1834.

²⁸Ibid. P. 2. Здесь и далее перевод с французского мой — М.М.

²⁹Ibid. P. 18.

³⁰См., например: Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: Extrait de l'Alexandréide ou Iskèndèr-Namé de Nizâmi, traduit, en grande partie, d'après l'édition de Calcuta, par Louis Spitznagel, ci-devant élève de l'Institut

Как и в случае с трактатом Оленина, за строками речи Шармуа без труда различима фигура Уварова — почти профессионального востоковеда и создателя новой концепции нации и народного образования. Рассуждения французского ориенталиста начинаются со ссылки на давнюю уваровскую брошюру — «*Projet d'une Académie Asiatique*» — и заканчиваются высокопарными выражениями почтения и благодарности к министру народного просвещения и Президенту Академии Наук, покровительствующему изучению Востока:

...и Россия уже может в отношении прогресса в этой ветви образования идти вровень со многими другими европейскими государствами. Азиатский музей Императорской академии наук, созданный при неустанном рвении ее знаменитого президента, обладает, как и Императорская публичная библиотека и Восточный институт министерства иностранных дел и Румянцевский музей, ценными коллекциями восточных рукописей, которые мы можем, не стыдясь, упомянуть сразу же вслед за парижскими и лондонскими. Новая эра процветания, кажется, уже открылась в исследованиях Востока, и мы имеем все основания ожидать, что их великодушный покровитель, которому мы обязаны первым Проектом азиатской академии, увенчает эти благородные труды, осуществив, с разрешения своего августейшего монарха, план — обширный и достойный той империи, каковой является Россия. И тогда восточные музы, гордые покровительством монарха, которому они обязаны столькими благодеяниями и процветанием под защищающими их крылами русского орла, будут соперничать в рвении и деятельности, чтобы тем самым обессмертить царствование, которое напоминает им одновременно добрые времена Гарун-аль Рашида и Франца I [Габсбурга]³¹.

Взгляды Уварова на цели и характер изучения Востока были сформулированы еще в начале 1810-х годов под явным влиянием концепций Уильяма Джонса. В 1818 году Уваров провозглашал, что править «одною силою меча» в новоприобретенных землях невозможно, следует действовать там посредством просвещения завоеванных народов, а также изучения их языков и традиций [Уваров 1818]. А поскольку большая часть этих народов — исконно «восточные» или были в давнее время завоеваны могущественными восточными империями, то именно ориенталистика становится орудием мирной цивилизаторской миссии России. В 1833 году эту идею с удовольствием повторяет и Шармуа:

Наконец, если можно рассматривать как неотъемлемую часть истории России историю Грузии, Армении, Дагестана, Ширвана, Аррана, Гилана, которые сегодня включены в эту империю, мы будем равным образом обязаны прибегнуть к трудам грузинских, армянских, арабских, персидских и турецких историков; потому что эти провинции, после того, как ими управляли их собственные правители, последовательно перешли под скипетр монархов Персии, арабских калифов и различных магометанских династий³².

Вадим Пассек

Сделаем последний шаг вверх по хронологической лестнице. В 1838 году добрый приятель А.И. Герцена Вадим Пассек — сын некогда сосланного на двадцать лет в Сибирь малороссийского дворянина Василия Васильевича Пассека, начал издавать многотомное собрание

Oriental attaché au Ministère des affaires étrangères. Traduction entièrement refondue, et précédée de celle des biographies de Nizami et de onze autres poètes persans, d'après Devlèt — Chah, Luthf-'Aly-Bey et le Recueil des poètes, par F.V. Charmoy. Vol. 1, 2. SPb.: Imprimerie de C. Hintze, 1827 [издание перевода поэмы великого средневекового персидского поэта Низами Гянджеви «Искандер-Наме», осуществленного умершим незадолго до того учеником Шармуа под его редакцией]; Relation de Mas'oudy et d'autres musulmans sur les anciens slaves; par Charmoy. Lu le 7 Novembre 1832 et le 5 Juillet 1833. — Mémoires de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg. VI. Série. T. 2. SPb., 1834. P. 297-408.

³¹Ibid. P. 25.

³²Ibid. P. 24. Упомянутые в этом тексте Арран, Гилан и Ширван — исторические области, в настоящее время входящие в состав Азербайджана.

«Очерки России». Кроме самого Пассека, участниками этого, как сказали бы сейчас, проекта стали его жена Татьяна и брат Диомид, а также Измаил Срезневский, Александр Вельтман и другие³³. Тематический и географический охват «Очерков России», на первый взгляд, может показаться странным: там печатались статьи и очерки про горные массивы Российской империи — и про российскую словесность, про Киево-Печерскую обитель — и про и обычаи финнов, про празднование Ивана Купалы в Малороссии — и про служебную деятельность М.В. Ломоносова, описания областей Сибири — и церкви Спаса Нерукотворного в Варшаве...

Однако если на минуту забыть о том, что территория, о географических, исторических, культурных и фольклорных феноменах которой идет речь, — это территория империи, и вообразить ее как конгломерат азиатских земель, в которых находились некогда очаги древних цивилизаций, то каждый из томов «Очерков России» окажется не чем иным, как реализацией модели ориенталистского журнала, наподобие «Recherches Asiatiques» или «Journal Asiatique» или даже «Азиатского вестника» Г. Спасского.

Это сходство отнюдь не случайно. В своих этнографических описаниях народов Кавказа Вадим Пассек непосредственно опирается на индоевропейскую теорию и популярно излагает ее для своих читателей:

Не напрасно европейцы назвали Азию колыбелью рода человеческого! Почти все европейские народы, еще на памяти истории и преданий, вышли из Азии.

Из всех известных племен, занимавших среднюю Азию, племя индо-германское было самым сильным и многочисленным. К нему принадлежат: парфы, бактриане, геты, алланы, афганцы, готфы, вообще германские народы и многие другие из древних народов.

По сравнению языков, по преданиям древних, по некоторым историческим намекам и догадкам индоевропейской мифологии, даже по физиологическим замечаниям, — это племя занимало в глубокой древности центр средней Азии. Но откуда оно пришло, спустилось ли с индоевропейских гор, теснимое каким-нибудь другим племенем, или само оттеснило на север и восток племена монгольские, турецкие и финские, неизвестно [Пассек 1838а: 139].

Говоря об исследовании обычаев древних народов, Пассек апеллирует к опыту ориенталистики и говорит о том, что сохранить первобытные обычаи и оградить себя от внешних влияний лучше всего удалось народам Азии. И этот тезис уже очень близок к славянофильской доктрине:

...Живые и святосохраняемые обычаи китайцев, заключая в себе все движения их жизни, объемля весь быт, без помощи сильного войска, хранят их от всего чужеземного, покоряют им завоевателей, и каждый народ спокойно преобразуют в Китайцев... и только одни остатки древнего языка могут служить слабою и не всегда верною нитью для открытия их (индоевропейцев) родства с каким-нибудь коренным племенем [Там же: 140].

В этом высказывании синтезирована и давняя, высказанная еще в 1818 году Уваровым идея о благотворности влияния просвещения, а не военной силы на завоеванные народы и

³³Биографически этот круг авторов восходит к так называемому «харьковскому кружку романтиков», который эскизно описал М.К. Азадовский: «В конце 20-х годов в Харькове образовалась целая плеяда энтузиастов — исследователей и собирателей местной старины и народной поэзии, основное ядро которых составил кружок университетской молодежи, получивший в поздних историко-литературных исследованиях не совсем точное наименование «харьковского кружка романтиков» или «харьковской романтической школы». В этот кружок входил ряд лиц, ставших впоследствии известными в разных областях научной и общественной деятельности: братья О. и Ф. Евецкие, И. Росковшенко, А. Шпигоцкий, П. Иноземцев, Л. Боровиковский, позже к кружку примкнул Вадим Пассек. ... Центральной фигурой кружка, его душой был И.И. Срезневский» [Азадовский 1958: 268-269].

национально-консервативная идеология, поддерживавшаяся в 1830-е годы тем же Уваровым, а также московскими знакомцами Пассека — С.П. Шевыревым и М.П. Погодиным.

Из интереса к древним, «незамутненным» внешними влияниями обычаям происходит у Пассека и особый взгляд на те губернии империи, которые находились на периферии по отношению к древней столице — Киеву и примыкающим к нему малороссийским землям. Эти периферийные территории Пассек характеризует как «темные» и «языческие»:

...взойдем на главную колокольню Печерской Обители. Пред вами раскидываются три губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская. <...> Как много великого свершилось на этом пространстве! Сколько являлось здесь разноплеменных народов и людей с великой душою! На этом пространстве России впервые принята народом христианская вера... За ним к северу и востоку, где оканчивается губерния Черниговская и начинаются: Смоленская, Орловская и Курская, спустя двести лет после крещения Киевлян, жили язычники, замучившие святого инока Кукшу, распространителя истинной веры. А там, далеко на севере, в губерниях Новгородской, Владимирской, Рязанской и др. и в позднейшие времена являлось язычество с своими обрядами, не как игра и увеселение народа, но как вера со всею силою и противудействием христианству [Пассек 1838б: 76-77]³⁴.

Заключение

С тех пор как британский медик и этнограф-любитель Матвей Гутри призвал своих коллег из разных стран объединить усилия для того, чтобы найти многообразный фактический материал для подтверждения гипотезы Уильяма Джонса, прошло более сорока лет. Любопытно, какую трансформацию претерпела идея кооперации ученых и «любителей старины» в имперско-этнографическом проекте Пассека:

Каждому из нас известна одна какая-нибудь часть России, — заявляет он в предисловии, — но смело можно сказать, что вполне никто не знает ее богатства и глубины ее жизни, тем более, что эта жизнь не одинакова с жизнью европейских и азиатских государств... «Очеркам России» предназначается сосредоточивать, по возможности, все рассеянные понятия и знания, приобретенные более опытом и основанные на действительности, нежели выведенные из умозрения; предназначается сделать возможно доступными труды, о нашем отечестве путешественников, естествоиспытателей, любителей древности и разных ученых заведений, труды, которыми мы довольно богаты, но не все и не везде можем ими пользоваться [Пассек 1838в: V-VII].

Особого комментария заслуживают здесь слова о «знаниях, приобретенных более опытом и основанных на действительности». Во время подготовки «Очерков...» Пассек по поручению министра внутренних дел составлял статистические описания Харьковской, а затем Таврической и Воронежской губерний, а в пору подготовки последних томов этого собрания (1839-1841) — статистическое описание Московской губернии [Срезневский 1893: 386, 395]. В то же время по поручению Общества истории и древностей российских он описывал курганы на территории Харьковской губернии, а затем задумывал обозрение курганов по всей России — от Дуная до Забайкалья [Там же: 387].

Уильям Джонс начинал свою деятельность в Индии с того, что начал составлять свод мусульманских законов, но скоро пришел к выводу, что ученым трудно решать подобные задачи в одиночку, и основал в 1784 году Азиатское общество в Калькутте. Вадим Пассек, проведший детство в Сибири и много ездивший по служебным обязанностям в южные губернии империи, довольно скоро начинает задумываться о том, как собрать, зафиксировать и сле-

³⁴Кукша (ум. после 1114) — монах Киево-Печерской лавры. По преданию, проповедовал христианство среди вятичей, живших на реке Оке, и был за это убит. Причислен Русской православной церковью к лику святых.

лать доступным читателям богатый опыт российских губернских администраторов, военных и академических ученых, и наблюдательных писателей. Форма «очерков», которой в литературе начала 1840-х еще предстоит взлет популярности, оказывается здесь, по его мнению, наиболее адекватной замыслу. Однако все собрание в целом, равно как и подход собирателя к этнографическому материалу, хранят в себе память о долговременном и плодотворном влиянии ориенталистики.

Азадовский М.К. 1958. *История русской фольклористики: В 2 т.* Т. 1. — М.: Учпедгиз. [АКАК]. 1873. *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Т. 5. — Тифлис. — № 728, 802, 815, 901, 905.

Бартольд В.В. 1977. Обзор деятельности факультета восточных языков. — Бартольд В.В. *Соч.: В 9 т.* Т. 9. — М.: Наука; Главная редакция восточной литературы. — С. 21-196.

Данилевский Р.Ю. 1980. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России. — *Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Сб. статей.* — Л.: Наука. — С. 174-217.

Достян И.С. 1972. *Россия и балканский вопрос.* — М.: Наука.

Зорин А.Л. 1996. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники. — *В раздумьях о России (XIX век)* / Под ред. Е.Л. Рудницкой. — М.: Археографический центр. — С. 105-128.

Зорин А.Л. 2001. Заветная триада. Меморандум С.С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие-самодержавие-народность». — Зорин А.Л. *Кормя двуглавого орла...* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 337-373.

Майофис М. 2008. *Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов.* — М.: НЛЮ.

[Маяк]. 1844. О древностях русских: древнем баснословии, законообрядях языческих, священных праздниках, играх, оракулах, древней музыке, деревенских музыкальных орудиях, обрадах, одеждах; деревенских забавах, свадьбах, похоронах, гостеприимстве общенародном, пиршествах русских, и сравнение их с таковыми же предметами древних, особливо Греков. Разыскание Матвея Гутри, его Императорского Величества статского советника, врача Императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса; члена королевских обществ Лондонского и Эдинбургского, королевского общества Шотландии и прочих. Переведены на русский с подлинника (около 1797). — *Маяк современного просвещения и образованности в духе народности русской.* — Т. 13, 14, 15.

Миллер А. 2010. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: Трансфер понятия «нация» в Россию (начало XVIII — середина XIX века). — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи.* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 42-66.

Оленин А.Н. 1815. *Опыт о приделках к статуе Купидона, втягивающего тетиву на лук.* — СПб.

[Очерки ЛГУ]. 1969. *Очерки по истории Ленинградского университета: В 7 вып.* — Вып. 2. Л.: — ЛГУ.

Пассек В. 1838а. Осетинцы. — *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: В 5 кн.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

Пассек В. 1838б. Киево-Печерская обитель. — *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: В 5 кн.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

[Пассек В.]. 1838в. *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

- Петров Ф.А. 2002. *Формирование системы университетского образования в России*. Т. 2. — М.: Издательство МГУ.
- Плисов М.Г. 1862. Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета. — *Чтение в обществе истории и древностей российских*. — № 3. — С. 179-205.
- Рождественский С.В. 1919. События 1821-1822 гг. — *Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета* / Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев, под ред. С.В. Рождественского. Т. 1. 1819-1835. — Пг.: 2-я гос. типогр. — С. I-CVI.
- Савельев П.С. 1845. *О жизни и трудах Ф.Ф. Шармуа*. — СПб.
- Саид Э.В. 2006. *Ориентализм* / Пер. с англ. А. Говорунова. — СПб.: Русский Мирь.
- Срезневский Вс. 1893. Вадим Васильевич Пассек и его письма к И.И. Срезневскому (1837-1839). — *Русская старина*. — Т. 78. — № 5. — С. 377-402.
- Сухомлинов М.И. 1889. *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т.* Т. I. — СПб.: Издание А.С. Суворина.
- Схимельпенник ван дер О.Д. 2002. Ориентализм — дело тонкое. — *Ab Imperio*. — № 1. [Уваров С.С.]. 1818. *Речь Президента Императорской Академии наук, попечителя Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.* — СПб. — С. 22-23.
- [Шармуа Ф.Ф.]. 1876. Ученые труды Ф.Ф. Шармуа. — *Журнал министерства народного просвещения*. — Ч. XLIX. — № 3.
- Шебунин А.Н. 1925. *Европейская контрреволюция в первой половине XIX века*. — М.: Сеятель.
- Шебунин А.Н. 133. Вокруг Священного Союза (неопубликованная монография, машинопись). — *ОР РНБ*. — Ф. 849. — Ед. хр. 110. — Л. 133.
- Шевченко М.М. 1997. Сергей Семенович Уваров. — *Российские консерваторы*. — М.: Русский мир.
- Шпет Г.Г. 1989. *Сочинения* / Под ред. А.В. Антоновой. — М.: Правда.
- Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. — *Новое литературное обозрение*. — № 49.
- Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека. — *Ab Imperio*. — № 1.
- Эткинд А. 2003. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации. — *Новое литературное обозрение*. — № 59. — С. 103-124.
- Cannon G.H. 1964. *Oriental Jones: A Biography of Sir William Jones, 1746-1794*. — Bombay: Asia Pub. House.
- Cannon G.H., Brine K. 1995. *Objects of Enquiry: Life, contributions and influence of Sir William Jones*. — New York.
- Etkind A. 2007a. Orientalism reversed: Russian Literature in the Times of Empires. — *Modern Intellectual History*. — Vol. 4. — No. 3. — P. 617-628.
- Etkind A. 2007b. Internalizing Colonialism: Intellectual Endeavors and Internal Affairs in Mid-19th Century Russia. — *Convergence and Divergence: Russia and Eastern Europe into the Twenty-First Century* / Ed. by Peter J.S. Duncan. — London: SSEES. — P. 103-120.
- Gérard R. 1963. *L'Orient et la pensée romantique allemande*. Paris: Marcel Didier.
- Germana N.A. 2007. Herder's India: The «Morgenland» in Mythology and Anthropology. — *Anthropology of the Enlightenment* / Ed. by Larry Wolff and Paul Cipolloni. — Stanford, CA: Stanford University Press. — P. 119-137.
- Goebel R.J. 1995. China as an Embalmed Mummy: Herder's Orientalist Poetics. — *South Atlantic Review*. — Vol. 60. — No. 1 (January). — P. 111-129.
- Cross A.G. 1969. Arcticus and «The Bee» (1790-1794): An Episode in Anglo-Russian Cultural Relations. — *Oxford Slavonic Papers*. — Vol. 2. — P. 62-76.
- Guthrie M. 1784. *Surle Regime Antiseptique de Russie*. — SPb.

- Jones W. 1824. *Discourses Delivered before the Asiatic Society: And Miscellaneous Papers, on the Religion, Poetry, Literature, etc., of the nations of India*. — London: C. S. Arnold.
- Koyré A. 1929. *La philosophie et le problème national en Russie au début de XIX siècle*. — Paris: Honoré Champion.
- Marchand S. 2009. *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship*. — Cambridge University Press. — P. 38-52.
- Mukherjee S.N. 1968. *Sir William Jones: A Study in Eighteenth-Century British Attitudes to India*. (Cambridge South Asian Studies, 6). — Cambridge: Cambridge University Press.
- Ouvaroff S. 1810. *Projet d'une Académie Asiatique*. — Spb.
- Papmehl K.A. 1969. Matthew Guthrie: The Forgotten Student of 18th Century Russia. — *Canadian Slavonic Papers*. — Vol. 11. — P. 168-170.
- Proudman M.F. 2005. Disraeli as an «Orientalist»: The Polemical Errors of Edward Said. — *Journal of The Historical Society*. (December). — Vol. 5, — No. 4. — P. 547-568.
- Varisco D.M. 2008. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid*. — Seattle, London: University of Washington Press.